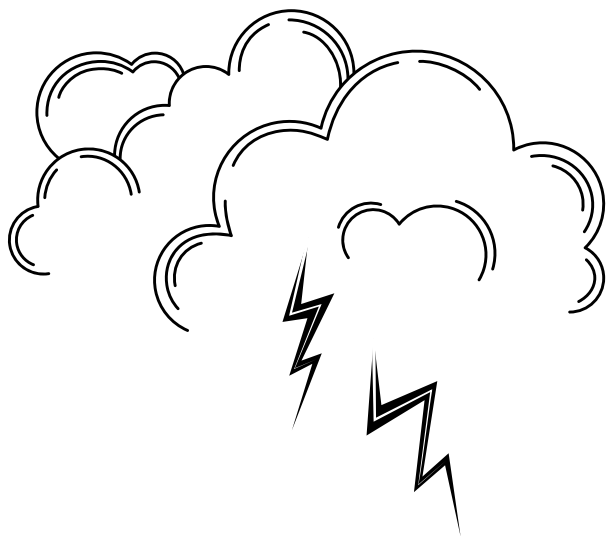

Читайте в серии:

«Проклятая деревня. Змеиные боги» (#1)
«Проклятая деревня. Малахитовое сердце» (#2)
Лизавета Мягчило

«Проклятая княжна»
«Шёпот Морены»
Евгения Кретова

Евгения Кротова

× ×
ШЕПОТ
МОРЕНЫ

Freedom

Москва
2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К80

Иллюстрация на обложке *Percival Liebe*
Художественное оформление *Миланы Корягиной*

Кретьова, Евгения Витальевна.
К80 Шёпот Морены / Евгения Кретьова. — Москва : Эксмо,
2025. — 384 с. — (Young Adult. Вкус страха. Мистиче-
ские истории).

ISBN 978-5-04-214552-0

На дне Чёрного моря археологи находят корабль, затонувший тысячу лет назад. Но они ещё не знают, что он хранит тайну давнего предательства. Вместе с поднятыми артефактами из морского плена вырывается древнее проклятие, брошенное в минуту горечи волхвой Марьей, той, что служила самой богине смерти Морене. Коснуться старинных предметов не повезло Анне, молодой рок-певице. С тех пор её преследуют кошмары, за спиной она слышит ледяное дыхание и речь на неизвестном языке, а каждую ночь на теле девушки открываются жуткие раны — свидетельства не то пыток, не то боевых ран. С каждым днем они становятся все страшнее, и Анна понимает, что если не разгадает тайну проклятия, то до следующего утра может и не дожить...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214552-0

© Евгения Кретьова, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

История о ледяном проклятье, обрушившемся на юг России тысячу лет назад, родилась из исторического факта. Князь Глеб Святославович, внук Ярослава Мудрого, в 1068 году исследовал Керченский пролив «по леду», от Тмутаракани до Корчева (Керчи), и зафиксировал его ширину: 14 000 сажен. Это примерно 24 км. Об этом факте была сделана надпись на мраморной плите, найденной археологами в 1792 году. Сейчас артефакт хранится в Эрмитаже. Ситуация сама по себе примечательная, так как Керченский пролив замерзает крайне редко, тем более до такой степени, чтобы по нему можно было ходить.

Вообще, из школьной программы по истории складывается ошибочное представление, что Тмутараканское княжество — это где-то рядом с «островом Буяном», некое мифологическое место, туда ссылали неугодных князей, да и забывали о них. Не тут-то было. Тмутараканское княжество было важнейшим форпостом Руси. Располагалось оно в дельте реки

Кубани (да, в те годы река была полноводной, а ее дельта напоминала мощью нынешнюю дельту реки Лена, делая подступы к Тмутаракани, столице княжества, неприступными в половодье и осенние дожди, превращая столицу княжества в остров). Сейчас этот средневековый город известен как станица Тамань в Краснодарском крае.

Здесь была самая сильная дружина, а князья — опытные воины, возглавлявшие походы. Тмутаракань к тому же была богатым торговым городом, имела каменные городские стены, склады внутри крепости, в которых хранились запасы зерна и вяленого мяса, рыбы и даже резервуар с пресной водой на случай осады города.

Во времена Ярослава Мудрого здесь княжил его младший брат Мстислав по прозвищу Храбрый. Прозвище, как вы можете догадаться, князь получил за ратные подвиги — с 1024 года, находясь в союзе со своим старшим братом Ярославом Мудрым, он был фактическим правителем восточных земель, наиболее «беспокойных», подвергавшихся нападениям со стороны то поляков, то хазар да половцев, то касогов... И стал настолько влиятелен, что даже византийский император договаривался с ним напрямую, просил, например, оттянуть на себя внимание алан, союзников Грузии в начавшейся войне между Грузией и Византией.

История же самого Мстислава Храброго примечательна еще и тем, что его единственный сын, веро-

ШЕПОТ МОРЕНЫ

ятно, был христианином — он упомянут в летописях только своим греческим именем Евстафий, что для княжеской традиции того времени было довольно необычно. Е. Ю. Томсетт считает, что жена Мсти-слава была византийской принцессой.

О Евстафии известно мало. Известно, что он был тяжело ранен в схватке с аланами, выжил чудом. По одной из версий, женат не был, детей не оставил, погиб еще при жизни отца во время одного из каспийских походов. По другой версии, Евстафий был женат на знатной гречанке и погиб, возможно, во время одного из штормов.

Вот легенда того разрушительного шторма и легла в основу романа «Шепот Морены»...

В душной темноте трюма пахло прогорклым маслом и сыромятной кожей. Круглобокие тюки, закрепленные в углу у стены, покачивались вместе с кораблем. Рядом через проход стояли мешки с солью. Предштормовые волны бились о борт, нашептывая проклятия.

Металлический стук отпирающегося засова, узкая полоска желтого света, шорох крадущихся к лестнице шагов. Угловатая тень в нерешительности замерла на верхней ступени, будто прислушиваясь, и в следующее мгновение стекла вниз, послушно двигаясь за слабым огоньком свечи. Тусклый свет метнулся к низкому потолку, выхватив из темноты высокую женскую фигуру, одетую по-мужски — в льняную рубаху до колен и узкие кожаные штаны, заправленные в сапоги. Свободные концы плетеного, похожего на змею пояска повторяли очертания округлых бедер. Светлые, цвета липового меда, волосы были заплетены в тугую косу. На лице незнакомки играла

ШЕПОТ МОРЕНЫ

странная улыбка: затейливая смесь любопытства, торжества и злорадства.

Рука потянулась к замызганному до черноты пологу. Узкое запястье защищало тисненное зарукавье, украшенное серебряными бляхами с изображением лубочного солнца. Отодвинув край, женщина хмыкнула: там, в черной мгле, в тесной клетке из занозливых досок, скрючившись, сидел ее враг, закованный так, что едва мог двигаться.

Женщина втянула носом спертый воздух и медленно шагнула к клетке.

— Разбудила? — Она внимательно и с нескрываемым удовольствием рассматривала иссиня-черные кровоподтеки на тонких запястьях пленника. Враг шевельнулся, подобрал под себя ноги, спрятал руки под грубую накидку. — А и то верно, выписься еще. — И добавила мечтательно: — Скоро Константинополь...

Человек в клетке никак не отреагировал. Ее это позабавило.

— Кариотис небось заждался... Еще бы, такой товар! Как думаешь, тебя сразу продадут или подержат в подвалах с крысами?

Она сделала один осторожный шаг, приблизив мутный кружок света к клетке. Но подойти ближе не рискнула, так и осталась стоять, держа в одной руке край просаленного полога, а в другой — подсвечник с тусклым огарком.

В полутьме мелькнула серебристая прядь волос, белая кожа.

— Нет, тебе не такая благодать уготована, — мстительно прошипела женщина и наклонилась к своему врагу так, чтобы ни единое слово не ускользнуло, чтобы каждое впечаталось в сознание пленника. — Знаешь, Кариотис ведь не торговец рабами, его товар — тончайшая кожа. Вначале, еще на хозяйке, ее вымачивают в соленой воде, а потом аккуратно вырезают нужные куски и снимают. И чем белее кожа, тем больше Кариотис за нее получит... На твоей он обогатится. — Светловолосая зло добавила: — Ты можешь гордиться, ведьма, на ней напишут оды императору Константину. А смерть твоя развлечет Михаила Пафлагона и Зою Порфирородную.

В проходе мелькнул и бесшумно упал между мешками красно-оранжевый отблеск.

— Воды. Дай воды, — прошелестел голос из-под покрывала.

Женщина зло расхохоталась:

— Это вряд ли! Я распорядилась, чтобы ни единая капля не коснулась тебя. И воды ты не увидишь до самой своей смерти, скорой и мучительной. А я буду ее свидетелем.

Она круто развернулась и выскользнула из закутка, оставив врага умирать от жажды. Ей в спину с укором смотрели темно-синие глаза.

Лязгнул засов, стихли шаги.

Корабль продолжал путь, с каждой минутой приближаясь к конечной точке своего путешествия — порту Константинополя.

ШЕПОТ МОРЕНЫ

— Воды... Дайте воды. — Беспомощный хрип то-
нул в затхлой темноте.

Неожиданно за завесой, около тюков с кожей, слышалось движение. Щелкнуло огниво, яркий огонек осветил безусое мальчишеское лицо, перебежал на огарок свечи и замер в нерешительности.

Осторожные шаги приблизились к закутку и в замешательстве замерли у полога.

— Эй! Есть кто живой? — раздался напряженный шепот.

Человек под покрывалом пошевелился. Тихо звякнули цепи кандалов. Юноша приблизился к пологу, робко отодвинул край.

— Я Словен, ладьяр младший. С вечера тут прячусь от дядьки мово, да, видать, и заснул... Проснулся и слышу, будто плачет кто...

Свет был так слаб и неверен, что человеку пришлось перешагнуть через промасленный полог и придвинуться ближе, подойдя к самой клетке, чтобы хоть что-то разглядеть. Грязное, в темно-багровых пятнах рубище пленника соскользнуло с плеч. Под ним оказалась девушка.

— А ты... ты и вправду... она? — В голосе слышалось опасение и любопытство, а в измазанных смолой руках темнел небольшой ключ с отломанным зубцом и грубым витым кольцом вместо ушка.

Белоснежная даже в почти крошечной мгле кожа девушки искрилась январским снегом, отражая желтое пламя свечи, а белые, как перья луны, волосы

серебристым шелком падали на плечи. Тонкие руки зябко терли онемевшие в кандалах запястья. Из-под ржавого металла сочилась кровь. Синие глаза разглядывали нежданного гостя.

Он был совсем юн, вряд ли достиг шестнадцати весен. Многие в его возрасте уже воины, известные своей храбростью и отвагой. А этот мальчишка, светловолосый, с наивным пушком над верхней губой, явно сбежал из скита. Жизни еще не видал, а дедовых сказок наслушался.

— Воды, — прошептала пленница потрескавшимися губами и протянула руки узкими ладонями вверх.

Мальчишка растерялся, будто сомневаясь, да тут же сунул найденный ключ за пазуху, засуетился:

— Да сейчас, сейчас. — Дрожащими от волнения руками он отстегнул от пояса и бросил в клетку кожаный пузырь. — Нам так-то велели к пленнику ни на шаг не подходить. Дядька сказал, что до смерти зашибет всякого, кто запрет нарушит. — Парнишка хмыкнул и наивно улыбнулся: — Но он, наверно, не знает. Думает, небось какого преступника везем императору византийскому на суд. А ты вон... девчонка... Краси-ивая какая, — вздохнул он, любуясь.

Девушка посмотрела тяжело, перевела дыхание. Осторожно, точно взвешивая каждое движение, подняла пузырь с водой и, выдернув пробку, поднесла к пересохшим губам.

Гулко звякнули кандалы.

ШЕПОТ МОРЕНЫ

Глаза пленницы распахнулись. Словен замер, как заколдованный, от полившей из них пронзительно-холодной синевы.

Бледный луч отразился в капле, рассыпался греческим огнем по черным стенам трюма и заледенел. Стало тихо, будто волны за бортом с опаской прислушивались к происходящему. Пленница медленно перевернула пузырь. Прозрачная жидкость заискрилась, коснувшись плотно сжатых губ. Сочась по заостренному подбородку, груди, растекаясь по телу, рассыпаясь серебряными и золотыми брызгами, она окутывала фигуру пленницы в невидимый кокон. И странное дело: пузырь был почти пуст, а вода из него все текла и струилась, будто разверзлись хляби небесные. Воздух наполнился морозной свежестью.

Ржавые кандалы побелели, покрываясь мохнатой коркой инея, дрогнули и опали искрящимся песком.

Юноша нервно сглотнул и отступил на полшага.

— Сварог-отец, царица наша! — вознес мольбу ладьяр, узнавая пленницу и падая перед ней на одно колено.

Поток из кожного пузыря замедлился, становясь вязким, как смола. Вода превращалась в белые полупрозрачные кристаллы. Острыми иглами они нарастали один на другой, заполняя пространство тесного трюма. Ледяная корка расползалась чумной тенью, захватывая все новые и новые предметы. Вот она коснулась занозистых досок клетки, въелась

в них, вгрызлась острыми зубьями, рассыпала в труху.

Словен отшатнулся: морозный узор кутал все вокруг, сковывал серебристо-серыми кандалами, только воздух возле него и его восковой свечи золотился живым блеском.

Тихо треснули крошащиеся доски, и серо-зеленые потоки морской воды с шумом хлынули в трюм, превращаясь под взглядом бывшей пленницы в ледяные колья, сминая дерево, железо и камень, стирая их в пыль, смешивая с морской водой.

Корабль, протяжно вздохнув, накренился. Он еще цеплялся за жизнь, как и горстка людей, бившихся со стихией там, на палубе: ладьяр слышал их крики и зов о помощи, но уже знал, что участь всех predetermined.

Ледяные копыя живыми змеями врывались в корабельное нутро, вышибали металлические заклепки, разламывали и с хрустом дробили перекрытия. А в середине этого неистового клубка неподвижно властвовала белоснежная дева, словно начало и конец всего сущего. Синие глаза, ослепленные местью, смотрели в темноту.

— Проклятье шлю на твое племя, — исступленно шептали губы.

Проваливаясь в чернильную мглу, ладьяр успел заметить, как разорвалась вокруг пленницы прозрачная ледяная слюда, тонкая и податливая, будто живая. Как потянулись к нему белоснежные руки

ШЕПОТ МОРЕНЫ

той, кого он принял по наивности за простую пленницу-рабыню. Словен видел ее спокойное лицо, внимательные синие глаза, полные сожаления, нежности и... тоски.

Ее легкое прикосновение освободило от боли, и ладьяр успел удивиться, что жизнь оборвалась так скоро и так нелепо.